

— Я ведь подарил ему искренние чувства, — вздохнул Цинь Шэнсюэ.

Шу Янь мгновенно выпрямился в кресле, весь обратившись в слух:

— А вот с этого места поподробнее!

Как заядлый любитель сериалов, Шу Янь по одной этой фразе успел нафантазировать душераздирающую драму серий эдак на восемьдесят. С разбитыми сердцами, морем слёз и роковой враждой. А если вспомнить масштабы наследства, то несчастный, похоже, любил Шэнсюэ до гробовой доски! Надо же, какая верность!

Марк тоже наострил уши, боясь упустить хоть слово.

— Это была моя первая... — протянул полковник. Голос его звучал мягко, бережно, словно он перекачивал на языке сладкую карамель. В интонациях сквозила чистейшая нежность.

У Марка даже сердце защемило. Он затаил дыхание, ожидая продолжения.

Что уж говорить о Шу Яне — тот окончательно потерял голову от любопытства.

«Мать твоя женщина, неужели его первый мужчина?!»

«Ну же, выкладывай! Насколько всё было кинематографично и прекрасно?»

Полковник Цинь азартно прищурился:

— Мой первый орден за особые заслуги!

Шу Янь и Марк онемели.

— Что ж... — выдавил наконец Марк, силясь сохранить невозмутимый вид. — К ордену чувства действительно должны быть искренними.

Шу Янь со свистом выдохнул, чувствуя себя глубоко обманутым:

— Чёрт возьми. Я всё-таки слишком наивен. Как я вообще мог тебе поверить?

Цинь Шэнсюэ проигнорировал их разочарование. Приятные воспоминания грели душу, и лицо его так и светилось довольством:

— Загляните в список особо опасных преступников. Там про него всё подробно расписано.

Хотя запал у сообщников поубавился, профессиональное любопытство взяло верх. Оба дружно полезли в базу данных.

Фердинанд Бертон. Федеральный преступник первой категории, ведущий инженер-механик крупнейшего пиратского синдиката. Был задержан десять лет назад. Текущий статус: мёртв.

Цинь Шэнсюэ лениво поинтересовался:

— И как он кончил?

Марк неохотно оторвался от экрана, выходя из режима сбора сплетен:

— Самоубийство, господин полковник.

Шэнсюэ брезгливо поморщился и тихо пробормотал:

— Альфы... Вечно они мрут почём зря. Чуть что — сразу в петлю.

Шу Янь внимательно вчитался в дату ареста Фердинанда:

— Вы что, все эти годы поддерживали связь?

— С ума сошёл? — фыркнул Шэнсюэ. — Я его поймал, дело закрыто. С какой стати мне заниматься послегарантийным обслуживанием?

— Получается, десять лет назад ты его засадил, сегодня он сводит счёты с жизнью и оставляет тебе в наследство планету с золотыми приисками?

Красавец-полковник удивлённо приподнял безупречную бровь:

— А как иначе?

Он повернулся к другу, демонстрируя свой идеальный профиль:

— Неужели я в свои восемнадцать этого не заслуживал?

Шу Янь открыл было рот, чтобы обозвать его бессовестной заразой, но подавился словами. Восемнадцатилетнего Цинь Шэнсюэ он прекрасно помнил. Тогда сам Шу Янь только-только окончил медицинский институт, и у него уши пылали каждый раз, когда приходилось проводить этому юноше плановый осмотр.

«Проклятье... Приходится признать: этот чертяка чертовски прав».

— Тут ещё есть предсмертное письмо, — робко подал голос Марк. — Будете читать?

— Не буду, — отрезал Шэнсюэ.

— Я буду! — вызвался Шу Янь.

— Он уже умер, чего там вычитывать?

— Тебе наплевать, а мне интересно!

Шу Яня буквально распирало от любопытства. Если он сейчас не заглянет в это письмо, то ночью точно не уснёт.

— Валяй, читай, — благодушно разрешил Шэнсюэ. — А я пока меню посмотрю.

Доктору Шу было уже не до деликатесов — жажда сплетен начисто вытеснила чувство голода. Зато у Цинь Шэнсюэ аппетит разыгрался не на шутку. Пользуясь тем, что приятель временно забыл о своих лекциях по правильному питанию, полковник размахнулся и заказал сразу восемь сытных блюд и пару изысканных десертов на сдачу.

Шу Янь, углубившись в чтение, едва не пустил слезу. Он пихнул Шэнсюэ локтем в бок:

— Нет, ну ты серьёзно не хочешь взглянуть? Это же верх преданности! Ты хоть понимаешь, почему он выбрал именно сегодняшний день?

— Тоже мне загадка, — лениво отозвался Шэнсюэ, не отрываясь от меню. — Ровно десять лет назад в этот день он впервые меня увидел. Что ещё это могло быть?

Шу Янь округлил глаза. Экран терминала был скрыт от Шэнсюэ приватным фильтром. Как он догадался?

— Откуда ты знаешь?

— Я в тот год не прошёл в Первую военную академию, от злости готов был локти искусать. Учебный год только начался, хронология очевидная. К тому же самоубийцы — народ сентиментальный. Если уж лезть в петлю ради красивого жеста, то только в памятную дату, разве нет? Оставить наследство, накатать письмо... Ему просто до смерти хотелось, чтобы я его запомнил. Что там ещё в списке?

Шу Янь ошарашенно захлопал ресницами:

—... Он оставил тебе боевого меха новейшей модели.

— О чём и речь. Что-то практичное, что пригодится в быту. Военные, правда, наверняка сначала обкатают его на испытаниях, а уже потом передадут мне.

Доктор Шу отпил остывший чай, пытаясь успокоить взвинченные нервы, и пробормотал:

— Боже, ну ты и холодный, бездушный мерзавец.

Письмо Фердинанда дышало такой щемящей тоской, что на контрасте с ледяным равнодушием полковника Шу Яню стало не по себе.

Шэнсюэ, разумеется, всё услышал.

— Ради меня многие готовы умереть, — спокойно ответил он. Его янтарные глаза потемнели, утратив всякую весёлость. — Он не первый и далеко не последний. То, что я вообще помню его имя — уже великая милость с моей стороны. Не смотри на его запоздалое раскаяние. Наверняка ведь рассыпался в мольбах о прощении?

Шу Янь промолчал, подтверждая догадку.

— А знаешь, за что его признали преступником первой категории? — продолжил полковник. — Сконструированное им оружие пустило на дно два наших флагманских крейсера. Модернизированные им мехи дали пиратам такую маневренность, что наши пограничные сектора умылись кровью. Сотни тысяч мирных жителей погибли или попали в рабство. Ему было двадцать пять, когда его взяли. Не глупый, несмышлёный ребёнок — взрослый мужчина с устоявшимися понятиями о добре и зле. Просто ему было плевать на чужие жизни. Ему были нужны неограниченные ресурсы для его обожаемых исследований, и он пошёл к тем, кто эти ресурсы предоставил. И теперь этот человек десять лет страдал в камере, а потом убил себя, решив, что заслужил место в моей памяти? Много чести.

Шу Янь умолк. Действительно, много чести. Сентиментальный флёр сдуло без следа.

Но тут полковник резко сменил тон и деловито обратился к Марку:

— Оформи-ка мне отпуск на следующую неделю. Напиши, что у меня скончалась первая любовь, сердце разбито, работать не могу.

Шу Янь лишился дара речи.

Каков циник! Выжал из покойника максимум пользы.

Марк обречённо вздохнул:

— Будет сделано, господин полковник.

Естественно, слухи в военном ведомстве распространялись со скоростью света, и вскоре новость долетела до ушей Сяо Линя. Расписание занятий у полковника Циня всегда было плавающим, но о незапланированных каникулах администрация предупредила заранее.

У одного из курсантов родитель занимал высокий пост в руководстве академии. Парня строго напутствовали: «Ваш инструктор Цинь взял отгул из-за смерти первой любви. Наверняка будет

сам не свой, так что ведите себя тише воды, ниже травы, когда он вернётся».

Сдерживать такую сочную сплетню было выше человеческих сил, и счастливчик тут же поделился ею с Юджином.

«Инструктор Цинь ушёл в отпуск, это, конечно, грустно. Но его первая любовь склеила ласты! Ха-ха, так ему и надо, черту покойному!»

Юджин, в свою очередь, не удержался и побежал вываливать всё Сяо Линю:

— Слушай, ну чего тот придурок радуется? Мёртвая первая любовь — это же самый худший расклад! Живого соперника ещё можно подвинуть, а вот покойника — никогда. Время сотрёт весь негатив, и в памяти останутся только идеальные, светлые моменты! Это же катастрофа!

У Сяо Линя внутри всё полыхнуло адским пламенем.

«Сначала бывший муж, теперь первая любовь... Почему у бывших моей жены такая чудовищная смертность?!»

Он мрачно согласился с доводами Юджина. С живым человеком можно бороться, доказывать, что ты лучше, сильнее, преданнее. А как соревноваться с призраком? Вдруг Шэнсюэ сейчас заперся дома и со слезами на глазах вспоминает их счастливые дни?

— Брат, у тебя лицо такое, будто ты сейчас кого-то сожрёшь... — с опаской пробормотал Юджин, пятясь назад.

— Идём на полигон, — процедил Сяо Линь.

У Юджина засосало под ложечкой от дурного предчувствия. И не зря: на тренировочной площадке Сяо Линь устроил ему сущий ад. Он мутузил несчастного приятеля с таким остервенением, что тот под конец едва не разрыдался от бессилия. Стоило Сяо Линю двинуться в его сторону, как Юджин с воплями давал стрекача, на ходу ставя новые рекорды по бегу с препятствиями и тренируя объём лёгких.

Другие курсанты, наблюдая за этим побоищем со стороны, сначала посмеивались, но Юджин огрызнулся:

— Сами попробуйте против него выйти, умники хреновы!

Вообще-то Юджин считался одним из лучших бойцов на курсе и мог держаться против Сяо Линя на равных. Но сегодня тот дрался так, словно объелся озверина. Бешеный напор просто смял всю оборону Юджина.

Всю следующую неделю Сяо Линь натурально безумствовал. Он выжимал себя досуха на

основных тренировках, а после оставался на дополнительные часы. Его неистовый запал невольно передался остальной группе — курсанты занервничали и тоже начали вкалывать как проклятые.

Юджин ежедневно исходил желчью:

— Ненавижу этих проклятых выскочек-передовиков!

Однако стоило ему увидеть, как Сяо Линь, не колеблясь ни доли секунды, без промаха косит наружные движущиеся мишени, в Юджине тоже просыпался азарт.

«Ладно, чёрт с тобой! Записывай меня в свой клуб безумных трудоголиков!»

Каждый вечер Сяо Линь тренировался до тех пор, пока система безопасности не блокировала его доступ в симуляторы. Не уйди он сам — дежурные офицеры выволокли бы его под белые ручки.

После ледяного душа он ворочался на кровати в пустой казарме, не смыкая глаз. Внутри всё хлопотало от нарастающей, удушливой ревности.

Прошло больше недели. Цинь Шэнсюэ ни разу не подал о себе знать. Да и как бы он дал? У них даже контактов друг друга не было.

Сяо Линь изнывал от неопределённости. Если его жена сейчас безутешно скорбит, то делает ли он это в одиночестве? А если рядом есть кто-то, кто подставил ему плечо в трудную минуту?

«Что, если какой-нибудь пронырливый ублюдок решит утешить его под шумок?!»

Сяо Линь резко сел на кровати. Он принялся мерить шагами комнату, словно запертый в клетке зверь. Терпеть это наваждение больше не было сил.

Нужно было что-то делать.

В конце концов, уязвлённое самолюбие и юношеский максимализм подсказали очевидный выход: нужно срочно повышать свою конкурентоспособность. Показать себя с лучшей стороны.

Юджин несказанно удивился, когда посреди ночи на его терминал пришло сообщение от обычно холодного и нелюдимого приятеля.

«Надо же, неужели лёд тронулся и мы наконец подружились?»

Но стоило ему прочесть текст, как лицо Юджина расплылось в понимающей ухмылке. Да уж, дружба крепла на глазах.

****[Сяо Линь: Юджин, скинь ссылку на какой-нибудь сайт с горячим видео. Ну, ты понял.]****

Юджин довольно потёр ладони.

«О-о-о, брат, сейчас я поделюсь с тобой настоящими сокровищами!»

Ничто так быстро не сближает молодых парней, как общие грязные секреты.

Сяо Линь вспомнил пренебрежительные слова Цинь Шэнсюэ о том, что он ничего не умеет и даже не пытается учиться. Что же, он докажет обратное. Покойники, может, и идеальны в воспоминаниях, но он станет лучшим среди живых! Тем, кого Шэнсюэ никогда не захочет отпускать.

Сяо Линь поклялся себе: когда ему представится следующий шанс, он заставит жену ахнуть от изумления. Физически он стал гораздо сильнее и выносливее, осталось подтянуть теорию...

Для молодого альфы, впервые зашедшего на подобный ресурс, зрелище оказалось шокирующим. Лицо его пылало так, словно его окунули в доменную печь.

«Учиться... Мне нужно учиться».

Из врождённого чувства практичности и бережливости Сяо Линь даже оформил платную VIP-подписку, чтобы получить доступ к самым подробным обучающим материалам.

Провозившись до самого рассвета, наутро он выглядел краше в гроб кладут. Юджин, заметив его синяки под глазами, заговорщицки подмигнул:

— Ну как? Пробрало?

Сяо Линь хмуро буркнул:

—... Вполне.

В этот день по расписанию стояла практическая подготовка с военными собаками-цилиндрами. На Сяо Линя косились многие курсанты, ожидая очередного раунда его противостояния со зверями, но реальность превзошла все ожидания.

Псы, которые раньше за версту обходили его от страха, теперь сами потянулись к нему. Они деликатно обнюхивали его сапоги и форму.

Даже матёрый волкодав по кличке Андрей крутился вокруг него добрых пять минут. В конце концов пёс негромко, жалобно заскулил и преподнёс Сяо Линю свой любимый потрепанный

мяч.

Андрей преданно заглядывал ему в глаза, словно разделяя его скорбь.

«Тебя тоже бросили, да? От тебя больше совсем не пахнет той прекрасной фрезией...»

Решив, что они товарищи по несчастью, кобель проникся к курсанту искренним сочувствием.

Сяо Линь растерянно потрепал собаку по загривку, дивясь тому, какими непостоянными бывают животные.

Вернувшись вечером в казарму после очередного изматывающего дня, он заперся у себя и продолжил штурмовать гранит интимной науки.

Сегодня его выбор пал на ролик из категории «для пар», который Юджин особенно настойчиво рекомендовал как абсолютный шедевр.

Сюжет был незамысловат, но горяч: на альфу нацепили ограничитель эякуляции, а обделённый феромонами омега выгибался и извивался на нём с такой безумной скоростью, что его бёдра превратились в размытое пятно. Альфа тоже был на грани безумия, двигаясь яростно и грубо. В общем, зрелище выдалось настолько диким и откровенным, что у юного Сяо Линя чуть крышу не сорвало.

Тем временем полковник Цинь, пробездельничав неделю дома, пришёл к выводу, что праздная жизнь безумно скучна. Ему нестерпимо захотелось подразнить своего дикого щенка.

Контактов Сяо Линя у него не было.

Впрочем, для офицера его уровня это не было преградой. Цинь Шэнсюэ не стал официально запрашивать данные курсанта через базу академии, а просто пробрался на территорию общежития под покровом ночи, перемахнув через высокий забор.

В его глазах тускло мерцало золото ментальной силы — электроника слеpla, и камеры видеонаблюдения фиксировали лишь смазанные помехи.

Вскарабкавшись по отвесной стене здания, он чутко ловил витающие в воздухе крупницы индивидуального запаха Сяо Линя.

Набор в Первую военную академию был строго ограничен, поэтому курсанты жили в просторных одиночных комнатах. Кровати в казармах стояли вплотную к окнам. Поднявшись на уровень шестого этажа, Цинь Шэнсюэ бесшумно повис на карнизе нужного окна и заглянул внутрь.

Там, освещённый блёклым сиянием экрана, Сяо Линь самозабвенно изучал порнографию.

Полковник не стал мешать процессу и с интересом уставился на экран вместе с ним.

«Ого. А у моего послушного щенка, оказывается, весьма нескромные аппетиты».

<http://bllate.org/book/18348/1764413>